

Надежда Соколова

ГИМН ЖИЗНИ

Сборник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Надежда Игоревна Соколова

Гимн жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39417946

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник состоит из текстов, написанных мной за годы творчества. Поэзия, проза, эссе – все произведения включают в себя любовь к жизни и описание ее сторон, как позитивных, так и негативных. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Капризная богиня	4
Альтернативная история Золушки	6
Ночные мысли	16
Бунин и «Советы»	18
Грешница	23
Веник	25
Сонет	26
Не пара	27
Хозяйка стихий	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Капризная богиня

Влюблённый, он не замечал
Её насмешек и презренья,
Обиды молча ей прощал,
Иронией скрывал волнение.

Готов был на руках носить
Свою царицу сновидений,
Просил улыбкой наградить
И жаждал редкостных мгновений,

Чтобы побыть наедине,
Её коснуться хоть бы взглядом,
Шептал: "Прошу, приди ко мне...",
В мечтах бывал всегда с ней рядом.

Но тщетно всё : как холодна
Его капризная богиня!
"Я не люблю, – твердит она,-
И ты мне часто лишь противен".

Кинжалом сердце взор разит.
С собой не совладать: он плачет.
И всё ж её не обвинит.

Он верит: будет всё иначе...

Альтернативная история Золушки

Я отсиживалась в одной из каморок для «клинингового персонала» и, тяжело дыша и изредка икая сквозь сжатые зубы, тщетно пыталась понять, как выйти из здания никем не замеченной. На коленях мирно покоилась голова неандертальца, созданная лично мной из папье-маше несколько дней назад. В голове все еще звенел негодующий крик нашей уборщицы бабы Зины: «Надька! Надька, стой! Стой, зараза неандертальская!» Ага, ща. Только трусы поглажу. Трусы... Божечки, я, похоже, выскочила из номера без них... Вот же стыдоба! Варька с Машкой неделю ржать будут, когда узнают...

И что теперь? Куда идти? В тонкой гипюровой кофточке и шелковой юбке до колена, которые добрые сестренки заставили напялить на это бессмысленное свидание, я по такому жгучему морозу далеко не убегу. Нет, можно постараться, конечно, благо, на ногах у меня остались мои любимые розовые босоножки с каблукочком пару сантиметров. Угу. До ближайшей больницы, как минимум с воспалением легких. А там меня быстро и найдут, и вылечат, и замуж насильно выдадут. Сволочи! Не хочу! Я еще так молода! Не хочу!!!

Нет, рыдать нельзя... Никоим образом нельзя... Иначе макияж потечет... И буду я тогда Надька-страхолюдина... Меня даже заваливший бомж в переулке испугается...

«Всего одно свидание. Ну дочка, что тебе стоит? Симпатичный молодой человек, говорит, видел тебя на сцене, влюбился, хочет поближе познакомиться». Знаю я их знакомства. После последнего, с нагловатым сынком местного мэра, я целый месяц у тетки в глухой деревне отсиживалась, глухонемой притворялась! А отчим с матерью на дармовщинку на Сейшелы с якобы будущими родственниками съездили, отдохнули!

Небо, я ведь так молода! Мне всего двадцать три! Ну какой «замуж»! Не хочу я туда! И вообще, мой ненаглядный «папочка» только недавно дал мне главные роли в своем театре. Должна же я вдоволь насладиться заслуженными овациями зрителей! Голова неандертальца на моих коленях ехидно оскалилась. У, обормот! И почему я, когда его делала, посчитала, что эта древность обязательно должна улыбаться!?

– Надя, – в комнату заглянула Верочка, наша гардеробщица, миленькая и отзывчивая кареглазая шатенка. – Совесть у тебя есть? Тебя и театр, и гостиница уже пару часов разыскивают. Выходи давай. Его отец приехал, просто мечтает с тобой познакомиться.

– Угу, ик, сына он своего, ик, великовозрастную дубину, ик, женить мечтает. Ик. Я ему, ик, даром не сдалась. Ик.

– Не ворчи. Все выходы давно оцеплены. Тебе все равно отсюда не выбраться.

Уроды! Я тяжело вздохнула:

– Вер, ик, ну что они ко мне, ик, все пристали, а? Ну переспала, ик, я с ним. Ик. Это что, ик, повод меня сразу, ик, в ЗАГС тащить??? Ик.

– Варя с Машей давно замужем. А твой отчим, сама знаешь, очень ответственный человек.

Знаю. Придушить бы его, чтобы этой долбанной ответственностью не страдал...

А ведь как хорошо все начиналось. Мой отчим владеет двумя семиэтажными зданиями в центре нашего города: а одном располагаются театр, ледовый каток и швейная мастерская, в другом – ресторан и отель. Удобно, кто ж спорит: посмотрел представление, поел в ресторане и на бочок в заказанном номере.

Капиталист фигов. Сам мне с детства разрешал лазить везде, где хочу, а теперь жалуется, что все ходы-выходы лучшего него знаю. Он что, думал, что я этими знаниями никогда не воспользуюсь? Три раза ха!

В общем, очередной мачо выразил желание пообщаться с моим высочеством. Я честно была против. Но разве найдешь аргументы, когда на тебя насаждает все семейство, да еще и с мелкими племянницами? Ладно, оделась провокационно («Ах, Наденька, оранжевый так идет к твоим каштановым волосам!»), сверху – шубу и сапоги, нырнула в такси, через пару кварталов вылезла, переобулась в гардеробной у Верочки, через служебные входы-выходы добралась до ресторана, плюхнулась на стул, мрачно оглядела и сервиро-

ванный по высшему разряду стол с устрицами, овощными салатами, фруктами и шампанским (лучше бы эти изверги на стол тарелку борща и антрекот подали, ага, дожدهшься от них), нацепив одну из сладеньких улыбочек, благосклонно выслушала комплименты своей неземной красоте и каждому компоненту по отдельности («Ваши глаза сияют, как алмазы!» – Болван, где ты видел настолько радиоактивные алмазы? – «Ваша улыбка поражает меня в самое сердце!» – Могу добавить пару выстрелов пробками от шампанского, в оба глаза, так сказать, чтобы симметрия была. – «Ваши локоны...» – дальше я уже не слушала. Все равно ничего нового о себе не узнаю. Никакой фантазии у этих идиотов), даже что-то прощebetала в ответ.

Хорошо, рядом не сидел Мишка, мой личный охранник, появившийся в доме на мое пятнадцатилетие, уж он бы точно понял, что в таком настроении я только убивать и способна.

Ладно, выпили-закусили, мой стовосьмидесятивосьмисантиметровый кавалер галантно довел меня, всего лишь метр шестьдесят семь, до постельки, даже раздеть смог нормально, ничего не порвав. Достижение, кстати. От некоторых упорных женишков приходилось сбегать практически голый.

Ну что сказать? Были у меня мужчины и поискусней. Здесь же... Хорошо, что не вырубилась при предварительных ласках. В общем, ночка прошла в целом нормально. За-

то утро...

– О, прекрасная леди! Молю, выходи за меня! – И лыбится, зараза такой. Стоит, вход перекрыл, кольцо в коробочке выставил, на мол, любуйся. И не сбежишь же. Пришлось за живот хвататься и в туалет сбегать. А так как раздевалась я, наученная горьким опытом, именно в туалете, а окошка в таких комнатках уже мной опробованы, как и широкие карнизы, ведущие к одному из служебных выходов, то фиг с маслом он получил, а не невесту, гад такой.

Как я бежала! Вот что значит постоянная тренировка и отличное ориентирование на местности! Вот только раз меня не туда занесло, стукнулась о какую-то статую, оказавшуюся неандертальцем, его физия мне на руки и грохнулась. Останавливаться было некогда: за мной уже весь отель гнался. Еще чуть-чуть, и театр со швеями присоединится. Как пить дать, поймают и окольцуют. Так что пришлось голову с собой тащить. Но добежала, да, теперь вот сижу в каморке возле гардеробной, думаю, куда мне, бедной-несчастной, дальше деваться...

Хотя... Почему бы и не попробовать...

– Вер, а Вер, – состроила я умильную рожицу. Гардеробщица мгновенно напряглась. Хорошо же меня здесь знают. – Принеси, ик, воды и что-нибудь, ик, переодеться?

– Ты хочешь, чтобы меня твоя родня самолично на клочки порвала? – угрюмо поинтересовалась девушка, но дверь с той стороны все же закрыла. Правильно, кто еще, кроме ме-

ня, будет выслушивать ее стенания на старую, как мир, тему «Все мужики козлы»?

Воду я выпила залпом, всю литровую кружу. Затем при-
смотрелась к одежде: свитер, джинсы, пальто, ботинки. Бо-
жечки, из какого хлама их вытащили? А на мне еще и белья
нет. Блин, выберусь отсюда, все деньги отчима на анализы
потрачу...

– А на голову?

Шапка-ушанка? Сколько ей веков?

– Надь, может, ну его, а? Вылезай. Замужем не так уж и
плохо...

Ага, разбежалась. Тебе, моя милая, надо, ты и выходи.
Замуж. Хотя Верочка, как раз, с удовольствием вышла бы.
Только не берет что-то никто. Спать спят, холодильник ее
периодически подчищают, даже иногда конфеты с цветами
дарят, а как дело до серьезного доходит, так и в кусты сразу.
Счастливая...

Ладно, волю в кулак, и натягивать эту гадость. Интересно,
Верка спецом мне похуже одежду выбрала? Или у нее в чу-
лане и правда ничего приличного уже не осталось?

Кое-как оделась, натянув свитер на нижнюю половину ли-
ца и нахлобучив шапку пониже. Выглянула из своего укры-
тия. Люблю эту каморку возле гардероба: и Верка не выдаст,
и до выхода пару шагов всего сделать надо. Да, мне сегодня
везет. Нет, точно везет. Был бы на вахте Мишка, хрен я бы
прошла. А так, немного сгорбилась, руки в карманы засунула

и походкой завязатого пьянчуги направилась к дверям. Шаг, другой, третий...

Ура, желанная свобода! «Папочкины» доблестные охранники в мою сторону даже не посмотрели. Чудно. И куда теперь? Домой пока никак нельзя. Родичи сначала собственноручно освежают, а потом с поклонами на руки женишку передадут. Денег нет, ехать некуда. Ладушки, здравствуй, Ванька.

С Ванькой Сенцовым я дружила со школы. Он оказался единственным нормальным парнем среди всего моего побитого гормонами окружения и не пытался, как многие, периодически поставить штамп в моем паспорте и одарить своей фамилией. Жил он в паре кварталов от театра, в собственном одноэтажном домике, обставленном «скромно, но со вкусом», так что добралась я до дружка без проблем.

– Эй, «синяк», куда прешь?

Чего? Это мне, что ли? Точно. Друг мой любший, собственной персоной. Все два метра. В халате и тапках на босу ногу. Это что он в таком виде на морозе -20 делает?

– Вань, а по роже?

Друган икнул и тихо, проникновенно так спросил:

– Надька?

– Нет, кикимора болотная. Ванька, ты меня домойпустишь?

– А... Да, конечно...

Зашла, нагло оккупировала ванную, разделась, вымылась,

закуталась в Ванькин халат, висевший на крючке, вылезла на кухню.

– Опять женихи? – понимающе хмыкнул хозяин дома, разливая по чашкам чай.

– А то ты не знаешь. Задрали уже. Сил моих нет.

– А поприличней ничего не нашлось?

– И чем тебе мой костюм не нравится? Я, может, новую роль репетирую.

– Угу. «Пьянь подзаборная» называется. Ай!

– И ой ща будет. Не умничай давай.

Мобильник зазвонил внезапно. Ванька, уже переодевшийся в выдавший виды спортивный костюм, вытащил из кармана «трубу».

– Да, Сан Саныч. Надя?

Вопросительный взгляд на меня, потом:

– Да, здесь.

Предатель!

– Дать ей трубку? Да, конечно.

Общаться с отчимом не хотелось вообще. Но лучше уж по телефону, чем вживую, когда он сюда со своими шкафообразными охранничками нагрянет.

– Да, пап?

– Давай домой, – спокойный ровный голос, будто и не было ничего. – Мишка сейчас подъедет.

– Э...

– Трусиха. Мать тебе по шее даст, на этом всё и успоко-

ится. Иван Никанорыч сообщил, что настолько своевольная невестка ему не нужна. Так что собирайся.

Да? Ну ладно, как скажете.

Влезать в Веркино старье не хотелось, поэтом к мерсу, ждущему у ступенек дома, вышла, в чем была: в халате. Впрочем, Мишка, очередной шкафообразный «товарищ», бритый наголо, как «бойцы 90-х», к моим маскарадам был привычный: открыл дверь мне, потом уселся за руль. Ехали молча. А о чем еще говорить с такой обалдуйкой, как я?

Высокий трехэтажный дом из белого кирпича встретил беглянку с обычным своим достоинством. А говорят, у домов души не бывает. Чушь. Наш точно настоящий аристократ в сотом поколении.

Мать отделалась уже привычными стенаниями на тему непутовой дочери: ей, вишь, женихов подсовывают, один краше другого, а она, оборотка, сбегает каждый раз, не понимает своего счастья. Я делала вид, что слушаю, а сама мечтала поскорей до своей комнаты добраться да выспаться нормально.

Моя любимая кровать из дуба с новеньким матрасом и цветастым покрывалом радостно раскрыла объятия. Ура, да здравствует крепкий и здоровый сон!

– Выспалась? – Отчим смотрел с насмешкой. Я только вздохнула. И выспалась, и в ванной отлежалась, и даже накраситься успела.

– Сегодня поедешь со мной. Я нового режиссера нанял. Познакомишься с будущим начальством.

Упс. Я со старым только недавно сработалась. А тут новый. Ладно, как скажете.

Шерстяное платье чуть ниже колена, сапоги, шуба из норки. Вот она я. Любите и жалуйте.

Охранник отчима, «шкафчик» Валера, услужливо открыл двери лексуса. Через несколько минут мы уже заходили в одно из зданий. Сейчас поднимемся на второй этаж, найдем этого режиссера...

– Пап...

– Слышу.

Действительно, крики, шум и ругань, доносившиеся сверху, только глухой не услышал бы. Кого там убивают? И где потом труп прятать?

– Сан Саныч, это невозможно! Работнички, чтоб их! – Нам навстречу, на лестничный пролет, сбежал вниз высокий худощавый мужчина с черными как смоль волосами, полными чувственными губами и горящими синими огнями глазами. Ой, мамочки...

– Надя, знакомься, – чуть иронично улыбнувшись, повернулся ко мне отчим. – Это и есть наш новый режиссер, Антон Михайлович Порошин.

Ага, угу... Ой, глазки какие... Что там «папочка» насчет свадьбы твердил все это время? Уже хочу! Антоша... А имя-то какое... «Я летаю. Я в раю».

Ночные мысли

Ночи синие чернила
Падают на спящий город.
Я спешу к подруге милой,
Вновь презрев и страх, и холод.

Да, на улице опасно,
И не раз уже порою
Мне мерещился напрасно
Чей-то нож. То Ночь игрою

То лукавой, то жестокой
Искажает ощущения.
Ночью путник одинокий
Чувствует, что нет спасенья,

Что вокруг одни громады
Равнодушных белых зданий,
Видит он одни преграды,
Черноту лишь Мирозданья.

Но иду я на свиданье,
Не желая зло предвидеть.
А в душе одно желанье -

Вновь любимую увидеть.

Бунин и «Советы»

Бунин... Его творчество многогранно. Лирические, проникнутые щемящей тоской по так быстро уходящей, как песок сквозь пальцы просочившейся жизни, «Темные аллеи», меланхолические «Антоновские яблоки», наполненное сожалением о краткости жизни «Легкое дыхание». Но эти произведения у нас на слуху, мы знакомимся с ними с детства, впервые влюбляясь в слог автора со школьной скамьи.

А вот Бунина-публициста знают немногие. И статьи его, откликнувшиеся на особо острые вопросы современности, читать нам не предлагают. Возможно, потому что классик, получивший Нобелевскую премию, со всей своей прямоотой осуждал тот самый советский строй, из-за которого ему пришлось стать эмигрантом. Осуждал не только из-за поломанной жизни, разлуки с семьей и друзьями, но и из-за пошлости, грубости, низости, «лубочности» – тех самых черт, которые отвратили его от большевиков еще во время жизни в Одессе, перед самой эмиграцией. Именно поэтому он, горячо выступая против нового строя, не желал иметь ничего общего с теми, кто «встал у руля» в его России, в той стране, куда, как он знал, вернуться ему уже нельзя. В одной из своих статей он пишет: «Мы ... пребываем в этом мраке, этом дурмане, дурмане злом, диком и, как всякий дурман, прежде всего переполненном нелепостями, на этот раз

нелепостями чудовищными. И дурман этот еще длится, и человек, более или менее не поддавшийся ему, поминутно с ужасом и с изумлением протирает глаза. Кровь продолжает течь реками, – нелепейшая в мировой истории, колоссальная война между русскими, между двумя огромными русскими армиями, одна из которых идет под высоким водительством бывшего газетного корреспондента, еще в полном разгаре».

«Великий дурман» – именно так озаглавит автор свою лекцию, с которой выступит в Одессе. В ней Иван Алексеевич, постоянно общавшийся с народом и видевший не только положительные, но и отрицательные стороны мужицкого характера, приведет многочисленные примеры того, как жесток может быть «народ-богоносец», если позволить ему жить безнаказанно, без страха, как физического, так и морального.

Истово верующий, Бунин во многих своих статьях цитирует Библию, чаще всего вспоминая Иова. Именно этот библейский герой является для Ивана Алексеевича той самой мученической фигурой, чья жизнь, по мнению автора, все больше напоминает жизнь многих эмигрантов, непримиримых последователей Белой идеи. Считая всех, кто погиб в рядах Добровольческой армии, настоящими мучениками, достойными канонизации, Бунин преклоняется перед вождями этого движения и говорит А.И. Деникину на банкете в честь военачальника: «Ваше Высокопревосходительство! Я не в силах выразить перед Вами даже и малейшей

доли тех сложных и глубоких чувств, которыми охвачен я в сознании всей великой важности минут нами переживаемых, когда незримо пишутся новые славные страницы русской летописи, на коих уже неизгладимо начертано Ваше славное имя и коим предстоит такая долгая, долгая историческая жизнь. Позвольте мне только земно поклониться Вам ото всего моего сердца, с особой силой ощущающего ныне свою кровную связь с Россией, – сердца, бесконечно пострадавшего и в эту минуту бесконечно счастливого».

И потом, уже в эмиграции, осознавая, что Белое движение не в состоянии вернуть разрушенный уклад и победить большевиков, Бунин с жадностью следит за все, что происходит на его бывшей родине, страдая вместе с ней, мучаясь из-за неспособности помочь всем умирающим в боях, замерзающим в морозы или гибнущим от холода.

Писатель с горечью замечает: «Теперь передо мною петербургская «Правда» за июль и август нынешнего года... Все то же, буквально все то же, что с тоской, болью, отвращением читал в восемнадцатом году в Москве, а в девятнадцатом в Одессе... Все тот же осточертевший жаргон, все та же яростная долбня трех-четырех мыслишек, все та же заборная грубость, все та же напыщенность самого низшего разбора, самый «высокий стиль» рядом с самой площадной бранью, все те же вопли, восклицательные знаки, аншлаги аршинными буквами, все та же превосходящая всякую меру наглость в лживости, которой пропитано буквально каждое слово, каж-

дый призыв, каждый «лозунг», каждое сообщение, все та же разнузданная до тошноты хвастливость, все та же видимость бешеной деятельности, все та же страшная в своей маниакальности и в своей неукротимой энергии обезьяна, остервенело, с пеной у рта катающая чурбан – и все та же гнусная и жуткая действительность, явствующая в каждой газетной строке и чуть не в каждом заголовке!» Эстет, любящий и ценящий русский язык, Иван Алексеевич не может смириться с новой орфографией, с упрощенным, «нелитературным», по его мнению, языком, которым пишутся все современные ему произведения в советской России. С сарказмом замечает Бунин: «...«могучий и ядреный», самый что ни на есть русский рассказ Всеволода Иванова, под заглавием «Орленое время» и начинается так: «В которых пустынях и по сейчас идет еще орленая жизнь. Жизнь эта как отвороченный пласт земли на неурочно раннее гнездо. Мечись потом птица, вой неслышным воем! Деревня есть Колудино на реке Печоре. Ломит та река дерево и камень нагордо. Молочистые туманы прячут ее в белосоватые полы своих одежд. А вот на четырнадцать волостей прославился Ефрем Шигона шубным своим клеем!..»». Для автора, любящего и ценящего русскую речь, тонко чувствующего каждое слово, подобный текст выглядит пошлостью и безвкусицей. И Бунин искренне не понимает, что может здесь привлекать читателей и почему надо широко рекламировать жуткое, по его мнению, произведение.

Именно при чтении публицистического наследия любого автора можно понять и прочувствовать его душу, осознать тот смысл, который он вкладывал в свою жизнь. И мне хочется верить, что публицистика Бунина, так незаслуженно забытая ранее, теперь станет на одну ступень с его мастерски написанными художественными произведениями. И Бунину-публицисту мы воздадим такую же хвалу, как и Бунину-писателю.

Грешница

В чем вина ее? Объясните мне.

В том, что Господа не послушалась?

Что года пролетели, как в страшном сне,

И всю жизнь среди грешников мучилась?

Что желала прожить отведенный ей срок

Там, где жизнь началась ее горькая?

Что судьба была тяжкой, как рабский оброк,

И всегда поднималась лишь с зорькою?

Так за что ее превратили во столп?

За какие грехи наказание?

Для чего выставляют на осмотр для толп?

Ведь естественно было желание.

Ведь хотела она лишь на дом свой взглянуть,

Попроцаться с родимой Отчиной...

Но лишь бросила взгляд, не успела моргнуть,

И оделась соленою ризою.

И стоять ей века за ошибку свою,

Без движения и без дыхания,

В этом голом, далеком, пустынном краю,

В наказание за слушание.

Веник

Все чаще мне начинает казаться, что жизнь человеческая похожа на веник: когда ты покупаешь его в магазине, он нов и «полон сил». На него приятно смотреть, он может выполнять свои обязанности практически безупречно, и тебе не нужно ставить его в самый дальний угол, чтобы не смущать свой взор.

Проходит время. Веник уже не настолько «молод», как раньше, его прутьики начинают выбиваться из общей массы и иногда даже падают на пол. Чем чаще ты его используешь, тем непрезентабельней становится его вид, он растрепывается все больше, и ты стараешься поменьше смотреть в его сторону, не хочешь портить себе настроение, смотря на него. Все чаще у тебя появляются мысли о необходимости покупки нового «инструмента».

С каждым месяцем размер веника все уменьшается, прутья выскальзывают из-под ниток все чаще, и ты уже не понимаешь, чего в доме больше: пыли или этих самых прутьев. Веник становится все «ниже», использовать его уже не настолько удобно, как раньше.

Ну и наконец, наступает такой момент, когда ты выбрасываешь его, своего «верного товарища», и покупаешь новый...

Сонет

Соблазнов многих мудро избегая,
Хочу сказать одно – тебя люблю.
Одну тебя, и не нужна другая.
"Не покидай меня!" – в слезах молю.

Ты только для души моей отрада.
Что без тебя мне жизнь? – Презренья миг!
Ты мне и горе, и любви услада.
Мне жаль того, кто так и не постиг

Любви земной и яд, и наслажденье,
Кто отказался от таких чудес,
Не испытал душевного волненья
И после смерти в воздухе исчез.

Секрет тебе открою свой простой:
Я не умру, ведь я любим тобой!

Не пара

Пожалуйста, только живи,

Ты же видишь, я живу тобою,

Моей огромной любви

Хватит нам двоим с головою.

Земфира

Вера созрела рано. Может, дело было в инвалидах-родителях, часто нуждавшихся в помощи со стороны, может – в «мнении» общества, постоянно «жалевшего» ребёнка, а может, изначально в Веру была вложена душа зрелого человека. Кто знает... Но уже в четырнадцать лет девчушка начала задумываться над темами, которые многим ее сверстницам вообще не приходят в голову. Внимательный подросток замечал и яркую любовь матери, и снисходительное, чуть свысока, чувство отца к ней, и жалость со стороны обеих бабушек, и легкую грусть в глазах дедов. Слишком многое замечал подросток, тем более жила семья в небольшом южном городке, рядом с морем и горами. Про такие места обычно говорят: здесь все знают друг друга. Ну, может, и не все. И не знают точно. Но вот сплетни ходили. За спиной, как обычно. Хотя некоторые кумушки не стеснялись и в лицо пожалеть

девочку, которой уже в отрочестве пришлось принять на себя заботу о близких родственниках.

Мать, Дарья Викторовна Линчева, тихая, скромная, малозаметная женщина с «букетом» различных заболеваний, главным из которых было ДЦП, «вспыхивала» только рядом с мужем и дочерью. И все вокруг в один голос утверждали, что эта серая мышка души не чаёт в своей семье, что она подобрала достойную пару, что их дочь вырастет приличным человеком. Дарья часто уезжала в больницы, в которых могла лежать месяцами, и Вера оставалась с отцом, Андреем Андреевичем Линчевым, мужчиной спокойным, рассудительным и невероятно скрытным. Он тоже не отличался железным здоровьем, но больницы не посещал, считая такие поездки напрасной тратой времени. У него, как и у матери, диагностировали ДЦП, но в более легкой степени. В отличие от жены, он работал, зарабатывая на жизнь себе и семье, умственным трудом: статьи, переводы, тексты к годовщинам – что он только не сочинял.

В тот день, воскресенье, на улице было жарко, в доме работал кондиционер, и отец с дочерью, поджидая мать и жену из больницы (её должны были выписать на следующий день, как раз в День Рождения Андрея), спрятались на кухне. Вера обычно уезжала на выходные к одной из бабушек, но вот как-то так сложились обстоятельства, что этот «викэнд» она проводила в отчем доме.

– Пап, – задумчиво глядя в окно, позвала голубоглазая

блондинка. – Пап, а ты вообще любишь маму?

Этот вопрос не давал ей покоя уже пару лет, с тех пор девочка начала задумываться о чувствах, своих и окружающих её людей. Нет, мать отца любила, боготворила, обожала. А он? Вот в отце Вера сомневалась. Слишком спокойно отвечал он на пылкие чувства жены, лишком равнодушно воспринимал разнообразные подарки от неё... Да и вообще... Что – вообще, сформулировать было трудно, но ответ девочке был нужен. Наверное, потому и отважилась она задать такой личный вопрос.

Андрей оторвался от планшета, вздохнул, покачал русой головой.

– Я надеялся, что ты не заметишь. Или не спросишь.

– Не любишь? – отвернувшись от окна, изумленно спросил ребенок. Как же так? Как можно жить без любви? Как можно жениться на той, к кому ничего не чувствуешь?

– Как женщину – нет.

– Тогда... Почему, пап?

– Что «почему»?

– Почему вы вместе? До сих пор?

– Сложно сказать... Видимо, потому что она слишком сильно любит меня. А я не хочу причинить ей лишнюю боль.

Лишнюю? А разве боль бывает лишней? Она или есть или нет. Да и мама... Неужели она не видит подобного к ней отношения? Или не хочет видеть?

– У тебя есть брат.

Вера, вздрогнув, вынырнула из своих, мыслей, недоуменно посмотрела в серые глаза отца, потом поняла.

– От другой женщины?

– Да. Старше тебя почти на год.

То есть ему почти пятнадцать... Или уже исполнилось...

– Они живут здесь?

– Нет. В соседнем городе. Но Антон каждый год навещает меня.

Антон. Пятнадцать лет. Наверное, так и разбиваются девичьи замки.

– Но почему тогда... Она замужем, да?

– Уже нет.

– Пап, я... Не понимаю...

Отец улыбался редко. Но сейчас... Такая добрая, нежная улыбка. И светящиеся глаза.

– Мы с ней слишком разные, милая. Да и люди не поймут.

Люди? С каких пор отца стало волновать чужое мнение? Он всегда твердил, что надо смотреть только на свои поступки. Остальное уже не важно.

– Лариса. Лара. Первая красавица школы. Высокая и худая, как тростинка. Я знал её с детства. В нашем городке все друг друга знают. А влюбился... В твоём возрасте, наверное, когда она пришла на очередной школьный праздник, одетая и накрашенная чересчур по-взрослому: яркое шёлковое платье до колен, умело наложенный в салоне красоты макияж, делавший её похожей на экзотическую птицу. Все, и школь-

ники, и учителя, не могли от нее глаз оторвать. Она танцевала весь вечер, меняя кавалеров, а я понял тогда, что никого другого уже не смогу полюбить.

Даже здесь, в этом городке, небольшом и далеком от всех столиц, есть, если ты заметила, своя элита: те, кто богаче и удачливей. Лара с детства принадлежит к этой элите. Её отец – крупный, по меркам нашего города, бизнесмен, ведущий свои дела не только у нас в городе, но и по всему побережью. Дочь он с рождения держал в холе и неге. Она ни в чем не знала отказа и всегда смотрела на всех вокруг свысока. Твои же бабушки и дедушки вынуждены были тратить свои и так небольшие зарплаты на лечение меня и твоей мамы. И если Дашу воспитывали как домашнюю девочку, заранее пытаясь оградить от всех тягот жизни, то меня отец с малых лет брал в походы, заставлял заниматься физически, тренировал так, как считал нужным. На гору я, конечно, не взберусь, но ориентироваться в лесу могу, как и прошагаю без проблем несколько километров по не особо сильно пересеченной местности. В одном из подобных походов я познакомился с Димкой, сильным и умным красавцем, мачо, как сейчас принято говорить. Мы не подружились, нет, но приятельствовали. Он мне даже в какой-то степени покровительствовал...

Из-за своей болезни я много времени проводил дома: читал, думал, учился. Чтобы мне особо не было скучно, родители познакомили меня с Дашей, надеясь, что инвалидность

поможет нам сблизиться и хотя бы подружиться. Тихий замкнутый ребёнок, твоя мама смотрела на меня с восхищением. Я казался ей героем американских боевиков. Не скрою, такое отношение мне льстило...

В тот год мы, после выпускного, собрались всей школой в горы. Не высоко, так, кто куда сможет долезть. Нас должны были сопровождать инструкторы и родители. Дашу оставили дома, меня же отец отправил со всеми, твердя, что его сын – мужчина, а значит, должен преодолевать трудности...

В поход решено было отправиться ближе к вечеру, ну а когда стемнеет, разжечь костры на высоте и горланить песни, пугая местную живность.

До похода устроили небольшой фуршет, со спиртными напитками. Да, за нами следили родители и учителя, да, спиртного было выставлено мало. Но нам, еще детям, хватило и того, что мы видели.

Мы не напились, нет. Но только спиртным я могу объяснить то, что произошло дальше.

Высоко в горы я не полез, нашел небольшую пещерку невысоко от подножия, решил пересидеть праздник в ней. Фонарик, фляга с водой, бутерброды с мясом и сыром, плед – родители снабдили меня всем, что могло пригодиться. Я уселся подальше от выхода, так, чтобы не быть замеченным «с улицы». Мне не было скучно – я привык проводить время в одиночестве. Сидел и слушал звуки, доносившиеся снаружи, размышлял, уже даже и не помню, о чем.

После той прогулки я понял, что многое в нашей жизни предопределено. И если что-то должно случиться, неважно, где и когда, но оно случится.

Уже наступила ночь, когда послышался топот, и в мое убежище кто-то вбежал. Тихие всхлипы подсказали – девушка. Я направил фонарик – Лариса. Кто и чем ее расстроил?

Прежде чем она меня заметила, пещеру сильно потрянуло, сверху посыпались камни. Нас замуровало. Потом, уже выбравшись оттуда, я узнал, что в тот вечер сейсмологи предупреждали о небольшом землетрясении. Возможном, но не обязательном. Их не послушали, директор решил не менять планы.

Я выдал свое присутствие, меня узнали. А дальше... Дальше Лара повела себя странно: она стала кричать на меня, обвиняла непонятно в чем, что-то утверждала, потом... Я надеюсь, тебе не надо объяснять, откуда берутся дети. Нас долго искали, потом откапывали. В общем, время у нас было. Да и винные пары не всегда выветриваются быстро.

После такой экстремальной прогулки я провел дома в постели трое суток. Даша практически не отходила от меня – плакала, рассказывала, как испугалась, узнав, что меня завалило, признавалась в любви... Мы поженились месяца через два, в ВУЗе учились заочно. Через полтора года родилась ты.

Лариса... Она уехала из нашего города в другой, в котором ее отец держал главный офис, вышла за Димку, обустроила дом. Через семь лет Димка погиб в автокатастрофе. Вы с

матерью тогда сильно грипповали. Я не смог поехать, отправил письмо с соболезнованиями. Она ответила... И я узнал, что у меня есть сын...

Антон приезжает сюда два-три раза в год, якобы по делам деда. Ему Лара всё рассказала после похорон Димки.

Тишина. Может ли она быть оглушительной? Вера не знала. Но откровения отца... Как теперь понять и его, и ту, другую? Как смотреть в глаза матери?

Отец молчал, девушка больше не задавала вопросов.

В дверь позвонили. Высокая птичья трель ворвалась в тихий мирок. Вера вздрогнула, но прежде чем она успела спросить, кого ждет ее родной человек, отец улыбнулся, опять – мягко и нежно.

– Твой брат приехал. Открой, милая.

Гибель Атлантиды

Комета падала с небес

На обреченный гибнуть город.

И люди все бежали в лес,

Туда, где ждали страх и холод.

Несчастье случилось в ночь,

Комета падала на спящих.

А те, кто мог, бежали прочь

И гибли от камней летящих.

И раскололся материк,

И началось землетрясение.
Из уст исторгся дикий крик,
Но не было нигде спасенья.

Молились люди в исступленьи,
И шла кровавая коррида.
Но отказал им Зевс в спасеньи...
Так погибала Атлантида.

Хозяйка стихий

Вечер... Вечер «радовал» отвратительной погодой и практически полной темнотой. Дождь за окном косыми струями щедро поливал землю, практически затапливая невинные растения и заставляя животных искать убежище как можно выше, ветер жутко завывал в деревьях и безжалостно ломал их хрупкие тонкие ветви, изредка черное небо освещалось изломанными молниями, а предшествовавший им гром больше походил на предсмертный рык какого-нибудь чересчур опасного хищника. Погода словно стремилась без слов передать все те чувства, что разрывали сейчас мою душу. Хотя почему стремилась... Она и передавала: четко, ясно, правильно. Гнев, обида, горечь, ненависть, страх с недавних пор поселились во мне, мешая думать, рассуждать, анализировать. Сейчас я хотела только одного: убивать. Причем убивать бездумно и безжалостно, как и положено настоящей Хозяйке Стихий.

Мать всегда неустанно твердила, что с нашим даром-проклятием спасти этот мир от нас самих может только полный самоконтроль. И я старалась. Видят боги, я действительно каждую минуту старалась держать свои чувства в узде. До сегодняшнего вечера. Сегодня же... Они заплатят. Все заплатят. Я не остановлюсь ни перед чем. Я разнесу этот город по камешку, я вспомню о дремлющей во мне силе, я...

В руки ткнулась горячая пузатая кружка. Успокоительный отвар. Ромашка, календула, какие-то еще травы... Я никогда не могла запомнить их название. Да и зачем?

– Тебе не кажется, что этот город уже получил достаточно водных процедур? – С иронией поинтересовалась тетушка Сара. Она следила за мной в отсутствие матери. Не имея дара, именно она стала настоящей доброй феей нашего рода. Кто каждый раз помогал приводить в порядок нервы наследницы? Тетушка. Кто следил за постоянным притоком успокоительного в аптечке рода? Тетушка. Кто всегда знал нужные слова утешения, вот прям как сейчас, когда сердце просто разрывалось от горя, безнадежности, усталости? Тетушка.

Травы, естественно, положение дел не спасли. А вот наглая младшая сестра с ее замечанием в чувство привела:

– Да что ты с ней возишься? Пусть дальше ноет. А же-нишка ее, козла несносного, как раз в это время прибьют потихому.

Подчиняясь моим чувствам, земля встала дыбом и резко опала. Суки! Все суки! Ненавижу!

– Сандра! Землетрясение зачем устраивать? Ладно, у нас дом заговоренный. О соседях ты подумала?

Я раздраженно зашипела:

– Ненавижу! Всех ненавижу! Тётя, где мой костюм???

– Совсем девка головой поехала. Куда ты пойдешь с таким лицом? Тебя даже зомби испугаются!

– Костюм, тётя!

Небрежный пас рукой – и мелкая надоеда, почему-то названная моей сестрой, была мгновенно выметена за дверь небольшим смерчем. Они хотели войны? Они ее получат!

Черный классический брючный костюм, в котором и перед императорскими очами предстать не грех, появился на постели через несколько минут. Как всегда идеально выглажен и так же идеально сидит на мне. Тонкая талия, аппетитные формы, длинные рыжие волосы, небрежно забранные в хвост, ноги от ушей, ухоженные руки, унизанные кольцами пальцы, красный лак на ногтях – все, как любят мои обидчики. Идеальная женщина, идеальная пара, идеальный маг. Но даже маги порой выходят из-под контроля. И сейчас «идеальная женщина» превратилась в идеального убийцу, готового разнести в клочья всех, кто рискнул бы встать у нее на пути.

Портал – и вот уже я в центре многострадальной столицы, у городской тюрьмы. Что ж, развлечемся...

Каменные стены послушно встали на дыбы от одного только движения тонко очерченной черной бровью. Ледяные струи дождя, привычно огибая меня, хлестали с такой силой, что ни один ретивый служака не решился выглянуть наружу и попытаться проверить, с чего вдруг камень в стенах зажил собственной жизнью. Небольшой смерч – и вот уже готов проход: ветер, полностью подчиняясь моей воле, раздвинул преграду, позволяя хозяйке беспрепятственно проник-

нуть внутрь.

Камеры, камеры, камеры... Да сколько ж вас здесь... А вот и та, что нужна мне. Чувствую жениха. А с ним – и остальных. Их держат всех вместе. Это даже к лучшему. Мне не придется терять драгоценное время, разыскивая узников по этажам.

Марк, Соня, Мара, Влад. Никакого удивления на лицах.

– С тебя десять злотых, Мара.

Влад. Они еще и спорили, развлекались, ожидая меня. Дурачье.

Всё тот же преданный ветер легко, словно пушинку, вырвал металлическую решетку из стены. Кандалы сразу же спали с ног и рук друзей.

– И кого ждем?

– Вечно ты бежишь куда-то, – проворчал Марк, потирая затекшие руки и пытаясь устоять на ногах.

– Движение – жизнь. Тем более, здесь, несмотря на отвратную погоду, скоро будет слишком уж людно.

Горячий глинтвейн разлит по кружкам в маленькой столовой, небольшой уютной комнатке, только для своих, мало кому известной в моем доме, по мнению многочисленных завистников и злопыхателей, слишком уж похожем на императорский дворец.

– Ну, за нашу прекрасную спасительницу! – Влад. Мальчишка. Вечный шут. Как и положено шуту, небольшого ро-

ста и хилого телосложения. Низкого происхождения. Всего лишь сын купца, пусть и снабжающего продуктами стол Его Величества. Зато с неунывающим веселым характером и задорно блестящими большими голубыми глазами. Холостяк. Хотя, думаю, скоро все изменится: слишком уж продуманно и расчетливо ведет на него охоту наша графиня Мара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.